

Глава 12

По спине Цянь Яо мгновенно прошиб ледяной пот.

Подозрительность государей не знала границ, а его застigli в крайне сомнительном положении: глубокой ночью, у самой постели монарха, да еще и сжимающим его руку. В современном мире такое еще можно было бы попытаться объяснить, но здесь, в древности, перед лицом верховного правителя, подобные вольности граничили со святотатством. К священной особе Сына Неба простым смертным запрещалось даже прикасаться.

«Стоит ему заподозрить неладное, и мне конец»

— в ужасе подумал юноша.

Цянь Яо поспешно попытался отнять руку, но стоило ему дернуться, как император внезапно перехватил его запястье.

Ладонь Цянь Яо нельзя было назвать маленькой, однако рука государя полностью накрыла её, точно тисками. Кожа монарха всё еще была пугающе холодной, и юноше на миг показалось, что его пальцы зажали между двумя льдинами.

Он инстинктивно дернулся, желая высвободиться, но хватка лишь стала крепче.

— Не двигайся.

Император мгновенно почувствовал сопротивление и сжал пальцы так сильно, что кости едва не хрустнули.

Цянь Яо замер. В полумраке опочивальни, едва освещенной парой догорающих свечей, государь смотрел на него. Его веки дрогнули, он на миг прикрыл глаза, привыкая к свету, а когда снова разомкнул их, взгляд его был затуманен остатками сна.

Давешняя ледяная жуть, окутывавшая императора, бесследно исчезла, и Цянь Яо на мгновение усомнился — не причудилось ли ему всё это?

— Ваше Величество? — едва слышно позвал юноша.

Он хотел спросить, не нездоровится ли государю и не нужно ли вызвать лекарей, но император не дал ему и рта раскрыть.

— Так тепло... — пробормотал он и, не дожидаясь ответа, снова провалился в сон.

Цянь Яо застыл в полном оцепенении. Он так и не понял, приходил ли монарх в сознание или это был лишь миг бредового пробуждения. Не смея больше тревожить его покой, юноша боялся даже вздохнуть, послушно позволяя удерживать свою руку.

Он надеялся, что вскоре пальцы императора разожмутся сами собой, но даже в глубоком сне тот продолжал крепко сжимать его ладонь. Цянь Яо несколько раз осторожно пытался высвободиться, но каждый раз терпел неудачу.

В конце концов он сдался. Примостившись на ступенях драконьего ложа, он прикрыл глаза и обреченно принялся согреть своим теплом ледяную руку господина.

Цянь Яо не помнил, как и когда забылся сном. Разбудил его низкий, вкрадчивый голос Мо Цуня.

— Ваше Величество, пора вставать.

Понимая, что обращаются не к нему, Цянь Яо хотел было поглубже нырнуть в сон, но сознание прояснилось достаточно быстро, чтобы он осознал всю серьезность ситуации.

«Государь?»

— мысль обожгла разум, заставляя тело пробудиться.

Едва открыв глаза, Цянь Яо ощутил, как всё его существо пронзила тупая, ломящая боль. Тело затекло так сильно, что он не мог даже пошевелиться; потребовалось немало времени, прежде чем суставы снова начали его слушаться.

Лишь тогда он осознал, что просидел, привалившись к постели, всю ночь напролет.

Опочивальня уже была полна слуг и евнухов, замерших в почтительном ожидании. Цянь Яо опешил и медленно повернул голову вправо.

Император, облаченный в ярко-желтые шелковые одежды для сна, уже сидел на постели. Он не спешил подниматься, а лишь с нескрываемым интересом наблюдал за пробуждением своего маленького слуги.

В ладони внезапно стало невыносимо жарко. Цянь Яо опустил взгляд и с ужасом увидел, что они до сих пор держатся за руки.

Казалось, государь лишь в это мгновение осознал, что происходит. Он медленно разжал пальцы, отпуская его, и неспешно поднялся с ложа.

Только после этого служанки, доселе не смевшие шелохнуться, приблизились, чтобы помочь монарху с утренним облачением.

Цянь Яо с трудом поднялся на ноги. Из-за того, что он всю ночь провел в одной позе, кости его словно заржавели, и каждое движение давалось с великим трудом.

По обычаю, императору после пробуждения полагался чай, и Цянь Яо уже собрался было поспешить к жаровне. Однако не успел он сделать и шага, как государь, которому в этот момент поправляли пояс, остановил его:

— Сегодня можешь не прислуживать. Ступай отдыхать.

Цянь Яо замер, не веря своим ушам. Обычно его отпускали только после того, как приходила смена. С чего бы это «собачий император» вдруг решил проявить такую милость?

Впрочем, какими бы ни были причины, юноша не собирался спорить. Ночь на полу не принесла бодрости, тело ныло, а силы были на исходе. Он чувствовал, что еще немного — и просто рухнет замертво.

— Благодарю за милость, Ваше Величество, — с искренней признательностью выдохнул он.

Низко поклонившись, он покинул покои.

На улице еще царила предрассветная тьма. В теплых залах дворца холод не ощущался, но едва юноша вышел на открытый воздух, как его пробрал резкий, колючий ветер. Плотно запахнув полы халата, он поспешил во двор евнухов.

Когда он добрался до своей комнаты, его соседи уже поднялись. Они были немало удивлены его столь раннему возвращению, но, зная об особом положении Цянь Яо, не осмелились ни о чем спрашивать.

Юноша был рад, что ему не пришлось ничего объяснять. Он наскоро сбросил верхнюю одежду, юркнул под одеяло и мгновенно провалился в глубокий, целительный сон.

Проснулся он лишь к вечеру, когда тени стали длинными и густыми.

Обычно даже после ночного дежурства слугам полагалось лишь полдня отдыха, после чего они должны были возвращаться к своим обязанностям. Цянь Яо поначалу стало не по себе от того, что он проспал так долго, но, заметив, что его никто не хватился, а главный евнух не прислал за ним погонял, он с чистой совестью решил подыграть этой случайной удаче.

Время обеда давно миновало, и Цянь Яо, чей желудок уже начал исполнять голодные рулады,

приготовился было к тому, что до утра ему не видать и корки хлеба. Однако, поднявшись, он обнаружил на своем столе лакированный короб с едой.

Сгорая от любопытства, он приоткрыл крышку. Внутри лежали две паровые булочки, пара тарелок с горячим жарким и чаша с густым питательным отваром.

Конечно, это не шло в сравнение с теми изысками, которыми его потчевал император, но по сравнению с привычной дворцовой баландой из репы это был настоящий пир.

«Чье же это?»

— Цянь Яо недоумевал. Неужели кто-то из его соседей удостоился такой чести?

За время жизни в одной комнате он, хоть и не общался с ними близко, хорошо изучил их быт. Один отвечал за уборку территории, другой — за подогрев воды для нужд двора. Они были самыми обычными евнухами низшего ранга, и подобные деликатесы им не полагались по статусу. Чья же тогда это еда?

Цянь Яо не решился прикоснуться к чужому обеду. Он закрыл короб и уже собрался выйти за водой, чтобы умыться, как в дверях столкнулся с Сяо Фуцзы.

— О, ты проснулся! — радостно воскликнул тот, едва завидев его.

Цянь Яо вздрогнул от неожиданности. После того как «собачий император» запретил всем приближаться к нему, во всем дворце лишь Сяо Суйцзы рисковал перекинуться с ним парой слов. Остальные обходили его стороной, точно зачумленного.

Это был первый раз, когда Сяо Фуцзы заговорил с ним сам.

Несмотря на легкое недоумение, Цянь Яо был искренне рад этому проблеску человеческого общения.

— Да, как раз хотел сходить за горячей водой, — с улыбкой кивнул он. — Тебе принести? Могу набрать и на твою долю.

Он надеялся, что эта маленькая услуга поможет растопить лед, но реакция соседа оказалась странной. Тот в ужасе замахал руками, на его лице отразилось почти благоговейное смятение.

— Что ты, не нужно, не нужно! — затараторил он.

— Как знаешь... — Цянь Яо еще больше озадачился, но настаивать не стал.

Он уже собрался выйти, как вдруг Сяо Фуцзы преградил ему путь:

— Давай я сам наберу тебе воды.

Юноша замер. Он не успел опомниться, как медный таз уже перекочевал из его рук в руки соседа.

Мир вокруг словно перевернулся, пока он спал. Что-то неуловимо изменилось в воздухе.

Вскоре Сяо Фуцзы вернулся с полным тазом дымящейся воды.

Цянь Яо принял воду, но умываться не спешил. Его мучил вопрос: что произошло? Но он не знал, с чего начать разговор.

Заметив его замешательство, сосед спросил:

— Что с тобой? Ты какой-то странный.

— А... да нет, ничего, — Цянь Яо почесал затылок и указал на стол. — Просто хотел спросить: чей это обед?

— Твой, конечно, — без тени сомнения ответил Сяо Фуцзы.

— Мой?! — юноша округлил глаза.

— Ну да. Его принес Гунгун Ань еще на закате, — в голосе соседа проскользнула едва скрываемая зависть.

И это было неудивительно. Весь двор знал, что Гунгун Ань — любимый ученик Мо Цуня, а каждое действие и слово главного управляющего — это воля самого императора.

С того самого дня, как Цянь Яо появился в их дворе, все понимали: этот юноша на особом счету.

Ведь в тот страшный день во дворце Цяньмин реки крови текли по мрамору, и лишь он один вышел оттуда живым. А после — императорским указом был назначен в личную свиту государя.

Однако всех сбивало с толку то, что император, явно выделяя его, в то же время запретил кому-либо приближаться к нему.

Разумеется, открыто такого приказа не звучало, но у обитателей дворцового дна были свои негласные законы. Стоило верхам намекнуть на холод, как низы тут же устраивали вечную мерзлоту. Если Мо Цунь обронил, что юношу не нужно учить правилам, все тут же решили, что с ним нельзя даже здороваться.

Но Цянь Яо служил при дворе, и те, кто видел его в деле, понимали, насколько император к нему снисходителен.

Ошибки при подаче чая? Никаких взысканий. Сон во время дежурства? Ни единого удара палками. Рассеянность на посту? Государь словно не замечал этого...

А теперь император и вовсе начал кормить его из собственных рук.

Все думали, что это предел милости, но вчера Цянь Яо, вернувшись с ночного дежурства, проспал весь день, и никто не посмел его потревожить. Более того, сам Гунгун Ань явился лично, чтобы доставить ему ужин.

Когда Сяо Фуцзы увидел вошедшего в их каморку важного евнуха, он едва не лишился чувств. Он уже бросился было будить соседа, но Гунгун Ань остановил его:

— Не тревожь. Он утомился на службе, пусть спит.

Один из помощников поставил короб на стол, и Гунгун Ань добавил, обращаясь к Сяо Фуцзы:

— Как проснется, проследи, чтобы поел.

Сяо Фуцзы лишь ошарашенно кивнул. Для него этот жест стал ясным сигналом: негласный запрет снят, и с Цянь Яо теперь можно — и даже нужно — водить дружбу.

Сам же Цянь Яо, выслушав рассказ, лишь подивился причудам «собачьего императора». Неужели тот и впрямь почувствовал укоры совести за то, что заставил его всю ночь сидеть на полу, и решил так неуклюже извиниться?

«Странно, — подумал юноша, — я и не знал, что у него есть совесть»

Впрочем, какими бы ни были причины, отказываться от еды было глупо. Забыв о ночных тяготах и ледяной руке государя, он с аппетитом принялся за ужин.

Проспав весь день, Цянь Яо был чертовски голоден. Он уже занес палочки над тарелкой, как вдруг заметил, что Сяо Фуцзы, стоящий неподалеку, невольно сглотнул слюну.

Для тех, кто привык к скудной дворцовой похлебке, этот ужин был поистине царским. Еды было в избытке, и Цянь Яо, не отличавшийся жадностью, широким жестом пригласил соседа разделить трапезу.

Тот поначалу отнекивался, опасаясь навлечь на себя беду, но, видя искренность юноши, всё же присел к столу.

— Спасибо тебе.

— Пустяки, ешь, — улыбнулся Цянь Яо.

Они быстро расправились с едой. Сяо Фуцзы, желая отблагодарить, тут же собрал посуду, чтобы вымыть ее, а Цянь Яо отправился умываться.

Несмотря на долгий сон, его снова начало клонить в дрему — сытый желудок требовал отдыха. К тому же сегодня дежурить не полагалось, и он предвкушал еще одну ночь в теплой постели.

Однако стоило ему закончить умываться, как в дверях появился посыльный.

— Гунгун Цянь, — почтительно обратился к нему молодой евнух.

Цянь Яо не сразу понял, что зовут именно его. Услышав такое обращение, он почувствовал себя крайне неудобно. Хотя он и занимал теперь эту должность, слово «гунгун» по-прежнему резало ему слух.

Впрочем, сейчас было не до лингвистических тонкостей.

— Есть дело? — спросил он.

— Да. Гунгун Ань велел передать: сегодня ваши смены поменяли.

— Поменяли?

Цянь Яо нахмурился, не понимая, к чему ведет посыльный. Тот поспешил пояснить:

— Именно так. Сегодня ночью вы снова заступаете на дежурство у ложа государя.